

«Корни и крылья»: рецензия на практическое руководство «Поиск родственников и их вовлечение в жизнь ребенка»

Арчакова Т.О.,

Психолог-методист, благотворительный фонд «Волонтеры в помощь детям-сиротам», благотворительный детский фонд «Виктория», Москва, Россия, tatyana.archakova@gmail.com

В рецензии представлен алгоритм работы с кровными родственниками ребенка, находящегося под опекой государства, разработанный специалистами-практиками из США. Обсуждаются преимущества и границы работы с родственным окружением. Анализируются зарубежные исследования, данные которых помогают сделать выводы о перспективах развития родственной опеки в российских реалиях.

Ключевые слова: семейное устройство детей-сирот, социальное окружение ребенка и семьи, родственная опека

«Мы оставляем своим детям только две вещи — корни и крылья»

Ходдинг Картер

Вовлечение расширенной семьи в заботу о ребенке, который остался без попечения родителей – это и процесс и, безусловно, желаемый результат. Благотворительный фонд «Настоящее будущее» при поддержке экспертов из благотворительного фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам» перевели и готовят к изданию практическое руководство «Поиск родственников и их вовлечение в жизнь ребенка» [2]. В руководстве описана технология поиска и вовлечения кровных родственников – набор практических методов, имеющих целью найти ресурс для ребенка в его кровной семье.

В руководстве описан алгоритм работы:

- Подготовительный этап – на нем проводится оценка актуальности работы с родственниками. Кровные связи – это важно, но не любыми важными вещами стоит заниматься прямо сейчас. Иногда перед ребенком одновременно встают несколько сложных задач и надо что-то отложить, чтобы не перегрузить его.
- Поиск родственников – широкий спектр задач: от одного визита или телефонного звонка до розысков в архивах, базах данных или даже телепередачах «Жди меня»
- Проверка полученной информации – способ обеспечить безопасность ребенка и других членов приемной семьи, в которой он в данный момент живет
- Вовлечение членов семьи и близкого окружения в жизнь ребенка – «вовлечение» не равно очной встрече: можно писать письма или голосовые сообщения; передавать памятные вещи, например, поделки ребенка, хранившиеся у родственника...
- Подготовка к первым встречам с участием ребенка – учет потребностей всех сторон и конкретной логистики

- Выстраивание отношений и поддержание связей
- Остаться вместе: поддержание связей на всю жизнь.

Для каждого этапа работы есть инструменты – оценка актуальности и оценка рисков; визуальные способы исследования социального окружения ребенка; примеры писем и запросов; интернет-ресурсы для поиска людей (мы постарались подобрать для них российские аналоги).

Этот алгоритм – пошаговый, но не линейный. В некоторых случаях несколько этапов могут происходить одновременно; в некоторых – стоит остановиться на втором или третьем этапе, особенно, если идея близких отношений с родственниками не подошла самому ребенку. Если родственники совершали насилие или потакали ему, то ребенка может поддерживать мысль о том, что они не просто «исчезли с радаров», но и понесли заслуженное наказание, и не могут больше вредить другим детям в семье. Иногда родственники уже сильно вовлечены в ситуацию: тогда перед специалистами встает задача повлиять на характер этой вовлеченности – помочь разрешить конфликт, преодолеть старые обиды, найти ресурсы для заботы о ребенке.

Надежный тыл нужен всем и в любом возрасте. Но его наличие становится жизненно важным, когда речь идет о молодых людях, лишенных дееспособности или имеющих ограниченную дееспособность. Иногда желание сделать так, чтобы выпускник интерната для детей-инвалидов не попал в психоневрологический интернат для взрослых заставляет специалистов начинать работу с последнего этапа – с попытки быстро установить «связи на всю жизнь». Мы надеемся, что это пособие сделает свой вклад в системную работу, которая будет начинаться задолго до выпуска.

Авторы руководства не рассчитывают, что сработает «голос крови» и отношения ребенка с новообретенным родственником наладятся сами собой, непринужденно и естественно. На каждом шаге работы они описывают ситуацию с точки зрения подростка, его приемной семьи (или воспитателей в организации для детей-сирот), его кровных родственников и социального работника. Это позволяет валидировать весь спектр переживаний всех вовлеченных сторон, и не превращать никого из них в объект воздействия. Интересно, что эти чувства обсуждаются даже на подготовительном этапе. Тот факт, что социальный работник готовит запрос о совершенно незнакомых тебе лично людях, которые вырастили твою маму – это уже не нейтральная информация.

Руководство помогает специалистам системно взглянуть на свою роль в поиске и вовлечении родственников. Конечно, нужен куратор случая или другое контактное лицо, в чьих руках сосредоточены все сведения о ребенке и его расширенной семье, кто знаком со всеми ее членами. Но это только базовые условия. В идеале задачи по поиску и вовлечению родственников должны входить в индивидуальный план сопровождения ребенка и, конечно, в план выхода в самостоятельную жизнь. А за их реализацию должны отвечать и медики, и педагоги, и сотрудники органов опеки.

Почему это важно?

«Исследования показали, что помещение подростка в семью дальних родственников – при наличии любой степени родства – почти в два раза повышает стабильность жизнеустройства в сравнении с размещением в неродственные приемные семьи», – утверждают авторы руководства.

Первая мысль – поставить это пособие на книжную полку с пометкой «интересный, но не применимый в России опыт». Какие типичные ситуации возвращения детей под опеку государства мы видим в практике? Бабушки отменяют опеку над внуками, потому что перестают справляться с их поведением в подростковом возрасте. Приемные семьи возвращают детей, с тяжелыми поведенческими нарушениями, после попыток убить кошку или сексуальных приставаний к другим детям (и чтобы им помочь, нужен профессионализм, – родственных чувств недостаточно).

В конце руководства даны ссылки на исследования, которые легли в основу практики. Но все они оказались уже неактивны. Пришлось разбираться.

Систематический обзор 62 исследований, выполненный Кокерйновской группой – флагманом доказательной медицины и социальной работы – показал, что дети под родственной опекой имеют меньше поведенческих и психологических проблем и реже перемещаются из семьи в семью, чем дети в неродственных приемных семьях [7]. Надо отметить, что есть и исследования, в которые не обнаружено значимых отличий в частоте вторичных отказов от детей при помещении в родственные и неродственные приемные семьи [1].

Дети, находящиеся под родственной опекой, вырастают более благополучными взрослыми [5]. Однако все исследователи делают поправку на то, что под опеку родственников изначально помещают детей, у которых меньше серьезных проблем, требующих вмешательства специалистов.

По мнению самих детей, в доме родственников им комфортнее:

- Они чаще чувствуют, что «их любят, несмотря ни на что» (94% детей под родственной опекой против 82% в некровной приемной семье [6].
- Они чаще соглашаются с утверждением «Мне нравятся люди, с которыми я живу»: среди детей под родственной опекой таких 93% по сравнению с детьми в некровной приемной семье (79%) и в интернатных учреждениях (51%);
 - Чаще хотят постоянно жить там, где они сейчас живут (61% по сравнению с 27% и 2%);
 - Реже убегают из дома или пытаются это сделать (6% против 16% и 35%) [4].

Проблема частых побегов знакома сотрудникам организаций для детей-сирот: отсутствие знаний о родных или отсутствие контакта с теми, к кому ребенок был привязан, провоцируют самовольные уходы «на поиски» или «на помощь». Здесь мы единомысленны с авторами руководства, которые считают, что «усилия по поиску и вовлечению родственников, в результате которых удастся выстроить отношения подростка с его семьей, существенно повышают стабильность жизнеустройства ребенка во временной семье».

Мнение самих детей – сильный аргумент, но он считается только в одном случае: если учитывается всегда, не только при оценке результатов семейного устройства, но и в принятии решений, где и с кем ребенку жить.

Существует убеждение, что бабушки/дедушки и старшие братья/сестры родителей, лишенных родительских прав, уже однажды совершили «педагогическую ошибку», поэтому их способность заботиться о внуках или племянниках без насилия или пренебрежения – под вопросом. Зарубежные исследования показывают, что с лицензированными родственными опекунами ребенок вдвое (!) реже рискует подвергнуться жестокому обращению [8]. Возможно, ключ к безопасности лежит в сочетании двух факторов – родства и подготовки.

Наконец, родственная опека повышает вероятность совместного размещения братьев и сестер. Например, когортное исследование благополучия всех детей и подростков штата Иллинойс, сопровождаемых службами защиты детей, показало, что 80% детей, имеющих одного или двух сиблингов, жили вместе с ними под родственной опекой, но только 66,9% смогли остаться вместе в неродственных приемных семьях. Для детей с тремя и более сиблингами различия проявлялись еще ярче: 53,5% против 1,8% [3]. Родственные связи как стимул принять «паравозик» из нескольких детей – важный ресурс как раз в российской практике; ведь в нашей стране разлучение братьев и сестер при семейном устройстве законодательно возможно только в крайних случаях, «соответствующих интересам детей».

Как же интерпретировать все эти данные? Лучше всего – как призыв к исследованиям родственной опеки в российских реалиях. А любые исследования должны

идти рука об руку с развитием системы вовлечения и поддержки родственников опекунов. Мы надеемся, что публикация практического руководства «Поиск родственников и их вовлечение в жизнь подростка» послужит импульсом и для того, и для другого.

Вместо заключения: история из практики

Бейдже было почти 18, она жила в центре реабилитации строгого режима для девочек. Ее мать находилась в психиатрическом стационаре, а отец был нелегальным мигрантом из Мексики. Бейджа прошла все основные детские исправительные системы – она побывала в психиатрической больнице и исправительном учреждении для несовершеннолетних, училась в коррекционной школе и жила в приемной семье. В каждом из этих мест специалисты считали, что она после совершеннолетия у нее один путь – в интернат для взрослых.

Когда Бейдже было 16 лет, команда специалистов попыталась воссоединить ее с бабушкой Луз в Мексике, но всего через 5 месяцев бабушка заявила, что не справляется с ее дерзостью, пропусками школы и курением марихуаны. Она вернула Бейджу в штат Аризона. Понимая, что у них очень мало времени, соцработники спросили Бейджу о том, чего хочет она сама, и девушка ответила, что хочет жить со своей бабушкой. Команда решила как следует проработать эту мысль и обдумать еще одну, последнюю, попытку.

Они обсудили эту идею с бабушкой и другими дальними родственниками, и собрали информацию о том, что получилось в прошлый раз, а что нет. Они узнали, что у Бейджи были друзья, которые хорошо на нее влияли, и что помимо бабушки, жившей строгими матриархальными порядками, было еще несколько равнодушных тетей и дядей. Они поняли, что предыдущая версия плана не учитывала всех потенциально полезных людей – друзей, специалистов и дальних родственников. На этот раз социальные работники съездили в Мексику и познакомились со всеми этими людьми.

Они проработали все варианты образования и трудоустройства, но самое главное – определили три места, где Бейджа могла бы жить. Самой первой в списке шла бабушка Луз, но была также и семья дяди Эмилио и тети Лайахоны, которые могли бы дать ей передышку, отдых или даже стать альтернативным местом постоянного проживания. Перед возвращением Бейджи в Мексику был проведен целый ряд визитов и встреч, посвященных планированию.

Через девять месяцев после возвращения в Мексику Бейджа по-прежнему жила там с семьей, но не с теми людьми, которые были найдены командой. Она переехала в соседнюю деревню вместе со своей двоюродной сестрой, ходила в колледж и работала с частичной занятостью.

Финансирование

Публикация подготовлена в рамках проекта благотворительного фонда «Настоящее будущее» «Книжная полка эксперта: перевод и популяризация ключевых книг по работе с детьми-сиротами для специалистов и замещающих родителей», реализуемого с использованием гранта, предоставленного Фондом президентских грантов.

Благодарности

Благодарим волонтеров-переводчиков благотворительного фонда «Настоящее будущее» и его руководителя Юлию Сергееву за перевод текста пособия.

Литература

1. Bjørn, A.H., Handegård, H., Thørnblad, R., & Vis, S.A. (2013). Placement disruption in long-term kinship and nonkinship foster care. *Children and Youth Services Review*, 35(7), 1087-1094
2. Family Search & Engagement A Comprehensive Practice Guide (2008). Catholic Community Services of Western Washington and EMQ Children & Family Services. https://ccsww.org/wp-content/uploads/2017/04/Family_Search_and_Engagement_Guide_CCS-EMQ.pdf
3. Fuller, T. et al. (2015). *Conditions of Children in or at Risk of Foster Care in Illinois 2013 Monitoring Report of the B.H. Consent Decree*. Children and Family Research Center University of Illinois School of Social Work.
4. National Survey of Child and Adolescent Well-Being, Research Group. (2005). *National survey of child and adolescent well-being: The characteristics of children and families entering child welfare services*. Washington, DC: Washington, DC: U.S. Department of Health and Human Services, Administration for Children and Families
5. Pecora, P. J., Kessler, R. C., Williams, J., O'Brien, K., Downs, A. C., English, D., et al. (2005). *Improving Family Foster Care: Findings from the Northwest Foster Care Alumni Study*. Seattle, WA: Casey Family Programs.
6. Wilson, D.B., & Chipungu, S.S. (1996). Introduction. Special issue on kinship care. *Child Welfare*, 75, 387-662.
7. Winokur, M., Holtan A., & Valentine, D. (2009). Kinship care for the safety, permanency, and well-being of children removed from the home for maltreatment. *Cochrane Database Syst Rev*, 21(1): CD006546
8. Zuravin, S. & Depanfilis, D. (1997). Factors affecting foster care placement of children receiving child protective services. *Social Work Research*, 21, 34-42.